

Битуах леуми... в любое время года?.. Сколько раз снимают...? Сколько хотят... Ну, да... Да, ну? Иди ты... Кто, я? У, ты какой ...

И всё же, ответь, пожалуйста, на первый вопрос нашей викторины - Какое сейчас время года, если стоит ноябрь, и жёлтый, и красный, и зелёный, а в воздухе и в бескрайнем чистом небе преобладают голубые тона? Как ты сказал? ГОЛУБООСЕНЬ? ... Ну, да. Да, ну!.. Иди ты... Кто, я?

У, ты какой...

Источники

Если вы поедете по центральной дороге, ведущей на север Израиля, проедете Кирьят-Шмона, вы увидите указатель поворота в сторону Баниасы. Что же такое Баниаса ?

У подножья горы Хермон десятилетиями археологи университетов Англии и Америки раскапывают культурный слой, приблизительно пятиметровой толщины, добираясь до невиданной архитектуры и потрясающих технических решений водоснабжения мегаполиса, по тем временам, громадного античного города Баниас.

Комплекс сооружений включает в себя дворец и громадный, с мозаичными рисунками, анфиладами, бассейнами и купальнями парк иудейского принца Агриппы. По другую сторону дороги, ведущей на Хермон, на возвышенности, среди скудной колючей растительности, в скалах, открыли рты естественные гроты, которые служили святилищами. В одном из гротов устроено святилище козлобородого бога Пана, сына Гермеса и Майи, чтимого македонцами, греками и римлянами.

Судя по рисункам и чертежам, Святилище Пана соединялось с комплексом храмов Немезиде, Зевсу и самому Пану, возле которого в громадной нише расположены скульптуры Гермеса, Майи и нимфы Эхо, безответно влюблённой в бесстыжего Пана. Около храма Пана, слева от него, находится грот, где на большом каменном жертвеннике совершались кровавые приношения служителями культа, после чего в храме богини Немезиды, на большой сцене, демонстрировались обрядовые танцы и мистерии с разнузданными вакханалиями в честь бога Пана.

И, хотя сегодня ещё не полностью восстановлены древние руины, можно себе представить красоту строений, богатство архитектуры храмов, дворцов, где кропотливо работали талантливые архитекторы, строители,

художники и ваятели...

...Наконец – то легковёсельная галера достигла берегов Кейсари. В порту царили суета, многоголосье, многоязычье, крики торговцев, зазывал и команды таможенников – всё сливалось в единый шум и гам, отчего слегка кружилась голова, и хотелось, как можно скорее, пройти необходимую процедуру въезда в приморский город. Да и многонедельное морское путешествие было утомительным, хотя Луций стремился к различным авантюрам, как, впрочем, многие молодые люди, жаждущие новых впечатлений, неизведанных чувств и чего-то ещё, что может произойти на дорогах жизни, вдали от родительского дома.

Солнце уже было в зените, когда Луций вошёл в здание таможни, где должен был найти брата матери, дядю Мария. Марий встретил Луция спокойно, без проявления родственных чувств. По его приказу, Луцию предоставили красавца – арабского скакуна, по кличке Ашан, что в переводе с древнеиудейского языка означает “туман, или дым”.

Ашан был лёгок и резв, и через некоторое время Луций почувствовал удовольствие от езды верхом. Морской ветер овивал голову Луция, обещая радости, веселье и всяческие сюрпризы новизны и молодости. Он улыбался, сам не зная чему, тёмные глаза искрились весельем, натренированные мышцы обрели вновь упругость и эластичность... Рифмы сами собой складывались в стихи, без стило и бумаги.

Дома он обучался риторике, стихосложению и изящным искусствам. Его отец, будучи центурионом, мечтал о военной карьере для сына. Но Луций, имея склонность к художественным работам, поражал учителей умением создать гармоничный рисунок несколькими штрихами угля, стремился к познанию формы и содержания, сочетая знание философии с природным художественным чувством красоты.

Он приближался к цели своего путешествия, и его сердце грело имперское разрешение на художественные работы в храмах и дворцах уже знаменитого на весь мир мегаполиса Баниас.

После ванны из минеральной воды подземных источников и отлично выполненного профессионального массажа, подталкиваемый нетерпением и любопытством, Луций отправился на прогулку. И сейчас он не мог отвести взгляда от возвышающегося над ним Святилища богу Пану. Мраморные колонны поддерживали коринфские треугольные капители храмов, над которыми в овальных нишах были изваяны скульптуры бога Пана, Зевса и Немезиды. Между храмами Зевса и Немезиды на вымощенном разноцветными плитами полу были расположены громадные скульптуры

Гермеса и Майи – родителей Пана, рядом с ними – скульптура нимфы Эхо.

Слева от того места, где стоял Луций, шёл ряд системы бассейнов и купален, спускающихся каскадами вниз к долине, где находился мегаполис, парки и дворец иудейского принца Агриппы. Прямо из горного монолита, левее ступеней, ведущих к святилищу, голубым потоком лилась хрустальная вода с Хермона, непрерывно наполняя купальни, бассейны, каналы, колодцы и системы трубопровода города. Поющий источник, как его уже успел назвать Луций, охлаждал горячий воздух прохладой вод тающих снегов Хермона.

На следующий день Луций должен был встретиться с верховным жрецом храма. Изнутри храм Пана освещался благовонными светильниками, расположенными в нишах стен. В дальнем углу стояли керамические амфоры с вином, мёдом и оливковым маслом. Прямо на стендах хранились монеты с изображением Пана, играющего на свирели, Зевса, Немезиды и других богов. На полках размещались различные сосуды, кубки, вазы, светильники, украшенные цветным орнаментом – сценами развлечений Пана с нимфами. Этот козлобородый бог, привлекающий нимф игрой на свирели, был олицетворением скабрёзного веселья и пороков.

Верховный жрец сухо принял Луция, договорившись с ним о том, что завтра Луций приступит к украшению храмов перед осенними праздниками. Верховный жрец не понравился Луцию: он был высок, худ, на худощавом загоревшем лице сухо поблескивали чёрные глаза, речь жреца была отрывистой, голос – резким и пронзительным. Или не здоров, или чем-то обеспокоен. Волнение охватило Луция, и он поспешил покинуть святилище.

Быстро сбежал по ступеням, остановился у каскада бассейнов и купален. Дорога вела вниз в сады, где пели птицы, царили прохлада и покой. Под ветвистым деревом Луций увидел мраморную скамью, стоящую на красивой мозаичной подставке, где и решил отдохнуть.

Внезапно он услышал раздражённые мужские голоса и то ли детский, то ли женский плач. Голоса приближались, и через несколько минут Луций увидел мужчину, который тащил за руку упирающуюся женщину, а другой мужчина подталкивал её в спину. Женщина плакала, судорожно всхлипывая, иногда останавливалась, чтобы перевести дыхание.

- Прикрой плащом свои бесстыжие глаза и прекрати истерику, - злобно прорычал впереди идущий, увидев Луция. Женщина шла, подчиняясь силе, и горько и безнадежно плакала. Луцию стало жаль её, он не привык быть свидетелем сцен насилия.

- Куда вы её тащите? Почему вы заставляете её идти, куда она явно не

хочет ?-

- Это исчадие ада исчерпало чашу моего терпения. Она, проклятая колдунья, вместо того, чтобы помыть ноги моей жене, убежала в сад наводить на Эвмине порчу, вследствие чего, у той пропало молоко. Мы больше не хотим держать эту дармоедку у себя в доме. Хватит, я её долго кормил, поил, одевал, воспитывал, ... - хрипел конвоир, брызгая слюной. Размахивая руками, он случайно сдёрнул некогда коричневый, в заплатках, плащ с головы женщины.

Из-под смуглого крутого лба на Луция смотрели громадные зелёные глаза, полные слёз и невысказанного горя. Тяжёлые медные волосы лавиной падали на тонкие плечи, искрясь на солнце золотом. Луций не мог отвести глаз от девушки, он почувствовал, что связан с ней до конца своей или её жизни.

Увидев, какое впечатление девушка произвела на Луция, сопровождавший её мужчина, ещё больше разозлившись, продолжал:

- Её мать, грязную иудейку, наложницу римского легионера, забили камнями за то, что она связалась с не иудеем. Эта глухонемая околдовала честного римлянина и родила от него это иудейское отродье, которое теперь колдует и портит всем жизнь. Вместо того, чтобы работать и ублажать своих хозяев, она вечно убегает. В голове у неё одни шашни, она вскружила голову всем мужчинам и парням, и даже не смотрит в их сторону. Сам верховный жрец уже давно упрашивает её стать жрицей и принять участие в мистериях к осенним праздникам, несмотря на то, что она грязная иудейка. Уговаривает её, как принцессу, носит подарки, а она всё нос воротит. Он мне пообещал хорошо заплатить, если я её приведу в святилище.

- Сколько ты хочешь денег за девушку?- спросил Луций, доставая увесистый холщовый кошель с деньгами. - Держи все,- и бросил кошель ему в руки.

- Вот-вот, она и тебя околдовала своими ядовитыми зелёными ведьминскими глазами... Жаль, что ей ночью опять удалось от меня убежать, а то бы я ей показал, что такое настоящий мужчина, и как должна вести себя женщина, - прошипел он.

И, схватив на лету кошель с деньгами, исчез в зарослях парка. Он шёл быстро, не оглядываясь, его мысли были далеко... Наконец-то, и ему посчастливилось, сейчас он ещё больше заработает... Верховный жрец не потерпит, чтобы вожаемая добыча ускользнула от него... И теперь ему заплатит еще больше, чтобы заполучить эту мерзавку, которая мучила его так долго и не давала спокойно спать, и Эвмине успокоится и не будет такой скандальной и злющей. Теперь у него будет много денег, он сможет купить

парочку купален с минеральной водой, на чём ещё больше разбогатеет, сможет вернуться в Рим, где многие красавицы будут покладисты и нежны с ним, и он наконец-то сможет забыть эту проклятую иудейку...

Вот и святилище. Несмотря на жару, верховный жрец ходил кругами по площадке, вымощенной разноцветными плитами, глядя на дорогу, ведущую из парка.

- Ты посмел отдать её в руки чужака, и она была смирна, как овечка?

- Где они? - раздался звериный рык и ушёл эхом в горы...

Громадный кожаный мешок больно ударил по рукам.

...Через некоторое время толпа служителей храма, во главе с верховным жрецом культа разнuzданного бога Пана, неслась по дороге, где к ним присоединялись любопытствующие, жаждущие крови и трагедии...

Луций с девушкой стояли над обрывом. Они смотрели на горный бурный поток реки Хеврон, перекатывающийся по булыжному дну... Приближающийся топот сотен ног нарушил покой полуденного зноя. Толпа, возглавляемая верховным жрецом, быстро приближалась к молодой паре. Луций успел увидеть, как побледнела девушка... Орущая толпа внезапно остановилась за несколько шагов до обрыва... Наступила тишина, нарушаемая бурлящим потоком воды, над которым мелькнула тень развевающегося, некогда коричневого, плаща в заплатках.

Звонкий всплеск воды, принявшей упавшее тело, вывел Луция из оцепенения, оставляя в памяти будущего художника образ вольной птицы, парящей над бурлящим потоком искрящихся вод Баниаса...

